

мосознания, постигнувшего свое душевное, интеллектуальное, духовное несовершенство и вину перед судом идеала. «Человечность» здесь — мера личного страдания «я», его соотнесенности с высшими началами бытия: жизнью, смертью, счастьем, полнотой переживаний. А «бытийность» — это то, что лежит в основе антигуманизма самого мироустройства. Мир важен не сам по себе, в своей внутренней органике, системности, логике, а только в отношении к зависящему от него, воспринимающему его, осуществляющему себя в нем «я». Способами же художественного воплощения этого уровня проблематики выступают основной эмоциональный тон, образная система и авторефлексия субъекта речи.

В поэзии и прозе Некрасова начиная с середины 1840-х годов каждый из названных аспектов антропологической проблематики его творчества имел свое закономерное и определенным образом корреспондирующееся с другими аспектами развитие. Если попытаться суммировать частные логики этого процесса, то перед нами предстанет следующая картина.

В рамках первого, *социально-событийного* слоя проблематики в поэзии Некрасова в одном случае наблюдается движение поэта от социально-этических обобщений к социально-психологическим портретам и к персонификациям общественных явлений и состояний, в другом же случае — движение от художественного воплощения персонифицирующей социальную логику драматического «случая» или «перемены обстоятельств» к исследованию репрезентирующей народную судьбу типов-характеров и к обсуждению возможностей выхода носителя народного сознания за пределы своей социально-исторической судьбы. Кроме того, в творческих размышлениях поэта явственным образом сказывается смещение акцентов с его внимания к существующему порядку вещей на прорицание в утопическом грядущем принципиально иного строя жизни и человеческих связей.

На этом уровне в отношении к миру рутины и пошлости поэт реализует те стороны основного эмоционального тона своей музыки, которые им самим эмблематически были определены как «гнев» (социальная сатира) и «печаль» (гуманистическое сострадание). Одна эмоционально-ценностная реакция лирического «я» носит у Некрасова монолитный и монологически-отрицающий характер, другая предстает как амбивалентная и диалогическая. В первой ситуации сам факт «господствующей рутины» влечет его развенчание, во второй же рутинность бытия выступает лишь условием оценки, качество которой проистекает от меры осознания (или неосознания) носителем социальной судьбы своей порабощенности рутинным порядком вещей.

В составе *морально-идеологического* слоя некрасовской проблематики творческая динамика проявила себя в нескольких эволюционных плоскостях: в движении от прямоповествовательного «суда» над фактами действительности к исследовательской объективации самого носителя «судящей» оценки и дифференциации идеологической природы этой оценки; от представления «идеолога» в качестве неизвестного, невостребованного, затерянного, забытого «честного» человека к выведению его в качестве героя, вождя, знамени, совести времени; от педалирования эталонности облика «пророка» к показу его внутренней сложности, неоднозначности, внутренней борьбы убеждений, страстей, личностных качеств; от моралистических акцентов «красоты» и «истинности» социального идеала к историко-культурным возможностям его (хотя бы и будущего) осуществления; от персональной замкнутости в себе самом и в своих убеждениях, «самодостаточности» носителя гражданского идеала к живому и противоречивому соотношению «вождей» и их программ с теми, ради кого провозглашаются их программы и кому призваны служить сами «герои».